

Клэр Ломбардо

ВСЁ КАК ВСЕГДА

Перевод
Елены Петровой

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
Л 74

Claire Lombardo
SAME AS IT EVER WAS
Copyright © 2024 by Claire Lombardo
All rights reserved

Перевод с английского Елены Петровой
Оформление обложки Вадима Пожидаева

ISBN 978-5-389-28725-9

© Е. С. Петрова, перевод, примечания, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

Происходит это так, как по большому счету происходит с ней все значительные события: по чистой случайности, причем из-за того, что она совершает нечто незапланированное. И происходит, подобно многим случайным событиям, оттого, что она приняла вполне обоснованное (хотя и с крошечным отступлением от заведенного порядка) решение, которое задним числом выглядит почти *неимоверным* совпадением: совсем небольшое отклонение — и контроль полностью утрачен, а вселенная только рада ухватиться за эту редко выбираемую Альтернативу и мчится, как умалишенная, с вытянутыми перед собой руками, словно пытается расчистить проходы в гастрономе; собственно, это как раз про нее: она сейчас находится в магазине деликатесов, где наспех выбирает какие-то продукты для праздничного стола по случаю дня рождения мужа: ему сегодня исполняется шестьдесят.

По любым меркам это лишь небольшое нарушение нормы, безобидная, казалось бы, Альтернатива — выбор малознакомого продуктового магазина; она привыкла делать покупки в другом месте, но там, в ее излюбленном минимаркете, закончилось крабовое мясо.

Позже она вспомнит, как при выходе с пустыми руками из того, первого магазина ее посетила мысль, что столь безобидное изменение привычного распорядка может по-

влечь за собой нечто катастрофическое, чего в принципе быть не должно. Именно так всегда смотрит на мир Марк, ученый-теоретик, удивительно чуткий: как на совокупность возможных вариантов, либо выбранных, либо не выбранных, и их замысловатых математических последствий. Мозг Джулии начал работать таким же образом не вдруг, а только после их продолжительного знакомства; раньше она всегда довольствовалась мнением, что принятие одного решения запирает дверь для другого, что во Вселенной не существует великого порядка и что *по сути* все это не играет никакой роли; эта вопиющая разница в характерах, возможно, и объясняет тот факт, что Марк прилежно отучился в магистратуре по специальности «инженерное проектирование», а Джулия даже не явилась на вручение бакалаврских дипломов по английскому языку и риторике в университете штата Канзас.

Впрочем, их знакомству без малого три десятка лет, а потому она и впрямь подумала — пусть мимолетно, — что ее кавалерийский наскок на привычный ход вещей способен повлечь за собой некие мрачные последствия, которых можно было избежать, махни она рукой на это крабовое мясо, вместо того чтобы четверть часа мчаться по шоссе в западном направлении; однако, пока она рисовала себе кинематографические ужасы вроде жестокого столкновения с товарным составом или фугасной миной, в реальной действительности ее поджидала единственная катастрофа — столкновение с восьмидесятилетней старушкой, оценивающей башню кумкватов.

Джулия узнаёт ее не сразу. Не то чтобы она сознательно остановила на ней взгляд или хотя бы помедлила: нет, она целеустремленно шагает мимо экологически чистых продуктов к дарам моря, подумывая завернуть еще и в бакалейный отдел в поисках чего-нибудь оригинального:

иногда периферийные магазины предлагают более широкий ассортимент. У нее даже зреет решение обежать все отделы — проверить, нет ли там чего-нибудь интересного, что уже расхватали обычные подозреваемые в излюбленном ею магазине, но тут перед ее мысленным взором запоздало всплывает женское лицо, убедительно замаскированное незримым покровом возраста.

Нельзя сказать, что над ней всю жизнь висит угроза встречи с целым сонмом призраков прошлого; есть лишь горстка тех, с кем она искренне надеялась никогда больше не пересекаться, и Хелен Руссо — из их числа. Так зачем, спрашивается, уже сделав шаг в сторону стеллажей с изысками бакалеи, выбиваться из людского потока и оборачиваться через плечо? Минуло более восемнадцати лет, что само по себе невероятно, если учесть, что прежде они виделись как минимум раз в неделю, да еще вспомнить, сколь тесен ее собственный мирок, где такая мелочь, как изменение плана покупок, может считаться важным решением.

Она и сама точно не знает, что влечет ее назад — туда, откуда она пришла, но Хелен уже переместилась в отдел самообслуживания и как раз взвешивает пакет кедровых орешков. На торговом ярлыке указана цена за полфунта: «\$16.75», и Джулия припоминает, как в те дни, когда бывала в доме Руссо, относилась ко всяким излишествам, будь то массивные столовые приборы; картины, подозрительно смахивающие на оригиналы; бутылки вина, которые она потом высматривала в магазинах и обнаруживала, что обходятся они в пятьдесят восемь долларов каждая.

В этом отделе она приобретает ингредиенты для одного из любимых деликатесов мужа — крабовых котлеток, запланированных для юбилейного стола. При мысли

о Марке на нее накатывает кратковременный приступ слабости. Она бродит с пустой корзиной и, чтобы не выглядеть совсем уж нелепо, бросает туда шар краснокочанной капусты. В чем-то Хелен, как и следовало ожидать, выглядит намного старше, чем помнится Джулии, а в чем-то (задорный конский хвост, блестящие, крупные голубые бусы) нисколько не изменилась. Джулия делает пару шагов, потом еще. Обычно она, королева уклончивости, расценивает свои вылазки за продуктами как снайперские боевые задания и старается поменьше светить лицом; но сейчас этому мешает какой-то демон общительности, который совсем некстати вселился в ее тело и подталкивает все ближе: она уже видит сдвинутые на макушку очки с диоптриями.

— Хелен?

Когда Хелен поворачивается к ней, в глазах у нее зияет странная пустота; взгляд медленно поднимается и опускается. Заподозрив у себя какую-то неопрятность, Джулия проводит рукой по волосам. На миг у нее возникает опасение, как бы ее не приняли за мошенницу: на ней, как выражается Альма, *клоунские штаны* и старая рубашка на пуговицах из гардероба Марка; ей приятно думать, что такое сочетание чудесным образом создает впечатление стильной непринужденности, но эффект скорее противоположный. В пригороде эксцентрично одетая женщина, несущая кочан экологически чистой капусты, может оказаться как бродяжкой, так и всклокоченной богачкой. Джулия начинает прикидывать, сильно ли изменилась она сама со времени их последней встречи, и количество этих изменений обрушивается на нее мощной лавиной; если вдуматься, изменений в ней больше, чем прежних черт. Она нервно ощущает биение пульса в ушах. Есть большая вероятность, что Хелен не узнает ее вовсе (в ней дав-

но засело тревожное открытие: бывает, что для другого человека мы в свое время значили куда меньше, чем тот человек — для нас), но тут Хелен все же произносит:

— Быть такого не может.

Сердцебиение утихает, поглощенное окружающей суетой: какая-то покупательница спорит с мясником, какой-то мужчина говорит в невидимую микротелефонную гарнитуру, ребенок в пуховике пронзительно распекает про Акуленка. Что примечательно: голос Хелен ничуть не изменился; Джулия не без приятности переносится в послеобеденные часы на заднем дворе дома Руссо: Хелен — еще старше, чем Джулия нынче, — изрекает родительские банальности, колкие афоризмы и собственные откровенные признания с уверенностью и легкостью человека, который действительно наслаждается жизнью, что в ту пору изумляло Джулию, весьма далекую от подобного состояния.

— Я... уж думала, мне показалось... — тупо бормочет она.

— Только не говори, что я не постарела ни на день, — говорит Хелен, — иначе тебе не жить.

У Джулии вырывается нервный смешок.

— Нет, я сама удивляюсь, насколько...

— Потому как, должна сказать, ты выглядишь *намного* старше, а я, стало быть, еще на миллион лет старше.

Такие заявления скорее удивляют, нежели оскорбляют, и, если честно, Хелен действительно намного старше, но Джулия все же чувствует, что краснеет.

— По мне, миллион — это некоторое преувеличение.

Теперь смешок вырывается у Хелен.

— Стало быть, узнала меня. Это дорогого стоит.

— Как не узнать при такой потрясающей внешности, — почти застенчиво говорит Джулия.

— Помню-помню: лгунья из тебя никакая, — говорит Хелен. — Даже твоя корзина не вполне убедительна.

Взгляды обеих устремляются вниз, на капусту.

— Да я только начинаю покупки, — выдыхает она.

— Как поживаешь-то? — спрашивает Хелен. — Кратенько изложи. Основные вехи.

— Ну, я...

Она не знает, что сказать. Ей приходит в голову, что в последний раз она видела Хелен еще до рождения Альмы, но заявлять об этом почти совсем чужому человеку было бы странно: «Я родила! Семнадцать лет назад!» На самом деле сюжетных линий в ее жизни за последние два десятилетия было несметное количество: столько всего — токсичного и другого — расцвело пышным цветом; на разоренных почвах зазеленели крошечные всходы. Новая работа, новое прибавление в семействе, удвоенные усилия по сохранению брака, но затем, после всего этого, быт как-то устаканился: они стали заводить знакомства, растили детей, взяли собачку — черного терьера (точнее, помесь) по кличке Сюзанна, расцвечивали свою повседневность, использовали кондиционеры для тканей, участвовали в президентских выборах — настойчиво шли в ногу со временем. Яркие раскрашенные бильярдные шары ее дней — они подвижны, напористы, постоянно стучаются друг о друга, меняют направление и требуют ее вмешательства — почему-то кажутся ничтожными. Она не видела Хелен восемнадцать лет; это затрудняет всякие объяснения.

— Всё как всегда, — говорит она обо всем сразу. — Дети, работа и тому подобное.

Посмотрев на себя из прошлого, она бы и сама удивилась: регулярные встречи с мамашами за чашкой кофе, именная кредитка элитной сети «Нордстром», относительное благополучие.

— «Дети», — повторяет за ней Хелен. — Во множественном числе?

Вот что, вспоминает она, означало быть рядом с Хелен: постоянно видеть свою прежнюю жизнь в совершенно новых ракурсах, находить тусклые пятна, которые требуется отполировать, или сверкающие, которые вроде бы незаметны: двое детей! Чудо! Хелен театрально вздергивает брови, и лицо ее освещается припоминанием.

— Да, верно, когда мы в прошлый раз виделись, многое только... наклеивалось, верно?

А она-то гадала, вспомнит ли ее Хелен. И вот, вернувшись в тот ужасающий день, она будто бы вновь стоит в библиотеке и видит эту женщину, как тогда думалось, в последний раз.

— Точно, — подтверждает она. — Это... так. Дочка.

— Боже, вот что значит сто лет не виделись. А как сынуля? Ему, должно быть... Он же был... господи, такой малютка, правда?

— Теперь не такой уж малютка, — отвечает она. — Двадцать четыре стукнуло.

Бен обычно сидел у них в ногах под столом, играя со старинными паровозиками, которые муж Хелен, Пит, откопал для него в подвале.

Она прокашливается.

— А у вас что слышно? Как вы все поживаете? Как Пит?

— В могиле, — не моргнув глазом, спокойно отвечает Хелен. — Ну, то есть не я, а он, хотя и я одной ногой уже там, как мы видим.

— О боже. — Ее печаль мгновенна и, на удивление, выплескивается наружу: вот Пит Руссо машет ей с крыши их дома, вот Пит Руссо отдает Бену ведрышки из-под краски, чтобы тот соорудил себе барабаны бонго. — Хелен, я просто...

— Мы с тобой не виделись целую вечность, — прерывает ее Хелен. — Не всякий столько проживет — утраты неизбежны.

— Я просто убита.

— Я тоже, — говорит Хелен, и на миг ее колючая веселость ускользает, оставляя по себе что-то нежное и отринутое.

— Как же вы справляетесь?

— Да как-то так, — отвечает Хелен. — Много воды утекло. В августе будет... Бог свидетель... пять лет.

— Я даже не...

— Джулия, — Хелен смотрит на нее с улыбкой. — Все нормально. Проехали. А твой?

— Мой?..

— Благоверный.

— А, поняла.

Тот повод, по которому она стоит здесь и ведет этот уму непостижимый разговор, вместо того чтобы уже быть дома, среди безопасных и скучных миазмов подготовки к приему гостей, где, собственно, и находится отведенное ей место во Вселенной. Ну, как прикажете ей отчитываться за Марка... за Марка, чья жизнь едва не рухнула вследствие ее знакомства с Хелен Руссо, за Марка, который, слава богу, не умер за истекшие восемнадцать лет?

— Он... ну, как сказать. Вообще-то... У него нынче день рождения, поэтому я... здесь. — Без всякой необходимости она приподнимает корзину.

— Понятно, — после едва заметной паузы произносит Хелен. — Юбилейный кочан.

Джулия смеется — и тоже после паузы. Хелен изучает ее сызнава, и выражение лица у нее меняется на другое, но столь же непроницаемое.

— Не смею задерживать. Хотя и очень рада повидаться. Выглядишь вполне счастливой.

— Неужели? — Ей совсем не хочется уточнять.

Хелен улыбается:

— Поверь.

Сейчас самый подходящий момент сообщить Хелен, что она тоже выглядит счастливой; а кроме того, сейчас у каждой есть вполне подходящая возможность через силу выдать реплику насчет «встретиться» или «наверстать упущенное».

— Удачных покупок, — невпопад желает Джулия, указывая на корзину Хелен, в которой лежат — она только теперь замечает эту несколько комичную скудость — четыре лайма и пакетик орехов.

— Угу, — отвечает Хелен. Она касается локтя Джулии, и та радуется, что мурашки прикрыты длинным рукавом. — И тебе того же.

Она не помнит, как отбирала продукты и выкладывала их на кассовую ленту, стоя в очереди на экспресс-обслуживание.

— Многоцветные пакеты не забыли? — с укоризной вопрошает кассир.

— В глубине души помнила, — отвечает она, но кассир не смеется.

Пока она не села в машину, ей так и не удалось полностью выдохнуть. Крабовое мясо и этот кочан (почему-то он внушал ей жалость: рука не поднялась вернуть его в пирамиду) весело едут рядом с ней на пассажирском сиденье. Все самые критичные моменты ее отношений с Хелен уложились в считанные месяцы, которые мозг Джулии сейчас аккуратно сжимает до одной минуты: от плача в машине и томной выпивки на террасе у Хелен вплоть до последней встречи в библиотеке — все это спрессовалось до шестидесяти секунд. У нее начинается голово-

кружение; открыв автомобильный люк, она делает глубокий вдох.

По дороге сюда она из чувства долга, можно сказать, вполуха слушала общественный радиоканал, но теперь, выехав с парковки, переключается на один из плейлистов своей дочери. Классический рок снова в тренде, поэтому каждая вторая композиция ей знакома: Дэвид Боуи и «роллинги» перемежаются с группами, которые носят названия, больше подходящие для романов: «Увидишь наши улыбочивые лица в девятичасовом поезде», или «Разберись с расистом-дедом», или «На свалку — чуть правее»; названия она вечно коверкает, чем бесит дочь. В современную музыку, которую предпочитает Альма, она, по собственному признанию, не очень «въезжает», но в постоянных, отчаянных попытках завоевать дочернюю любовь приучает себя быть в курсе, а потому дополнительно прибавляет звук и опускает стекло дверцы, чтобы не задохнуться.

Когда-то она причисляла себя к знатокам, в некотором роде крутым; они с Марком чуть ли не каждые выходные ходили на концерты, и она могла перечислить всю дискографию *Pavement* — хоть по хронологии, хоть в порядке личных предпочтений — и Бена приучила к тому же, набив ему оскомину, когда по дороге в детский сад или во время их ежедневных безумных разъездов по городу врубала на полную мощность свои компакт-диски; а это, в свою очередь, возвращает ее к сегодняшней встрече с Хелен, чье призрачное касание, а до этого — ее собственная немыслимая решимость просто подойти и заговорить, но еще и воспоминания о себе, прежней, в оранжевые суккулентов ботанического сада, где Хелен кожей почувствовала отчаяние пустоглазой, неприспособленной к жизни молодой матери в футболке *The Jesus and Mary Chain* и выдернула ее из толпы.

Плейлист переключается на «Smells Like Teen Spirit»¹, и она вновь прибавляет звук; водитель, остановившийся рядом с ней на светофоре, откровенно уничтожает ее взглядом, но она лишь делает еще громче и выезжает на Эйзенхауэр-драйв, радуясь предлогу нажать на газ.

Когда она возвращается домой, Марка нигде не видно, и это очень кстати, потому что за порогом кухни на нее нападает странная, внезапная дрожь, а мельтешение в глазах заставляет ее резко опуститься на табурет у кухонного острова. Она чувствует на своих голенях миниатюрные коготки Сюзанны, которая поднялась на задние лапы, чтобы определить, в чем дело: ее возмущает отсутствие привычной помпы по случаю возвращения Джулии. На Сюзанну каждое появление хозяйки — не важно, после пяти минут или пяти часов разлуки, — действует как тотализатор: в собачьих глазах появляется азартный блеск, туловище дрожит от возбуждения. Сюзанна одержима Джулией так, как не была одержима ею ни одна живая душа, включая родных детей. Такое обожание лестно (хотя порой назойливо).

— Все в порядке, маленькая леди, — говорит она собаке. — Мне просто чуток нездоровится.

— Это близко не стояло к тому, что произошло, ну да ладно, — говорит кому-то Альма, входя в кухню. — Мама?

Открыв глаза, она поднимает голову. Зрение проясняется: ее дочь — великолепная и ужасающая амазонка с непослушными темными волосами и пронизательными зелеными глазами. Прижимает к груди пустую чашу от миксера; в каждой руке — по смятой банке из-под газировки «Лакруа».

— Привет, Алли.

¹ «Веет „Подростковым духом“» (англ.).

Собака скулит; Джулия наклоняется и берет ее на колени.

— Не плачь, — говорит она Сюзанне в холку.

— Напрасно ты управляешь ее эмоциями, — делает ей замечание Альма, но тут же, нахмурившись, спрашивает: — У тебя ничего не случилось?

Нехарактерное для Альмы проявление дочерней заботы, и Джулия на миг сокрушается, что у нее ничего не случилось: ведь иначе можно было бы обратиться к дочери с какой-нибудь необременительной просьбой — вытащить занозу, вправить плечо или сделать что угодно другое, требующее непосредственного телесного контакта с этой особой, которую она родила и теперь собирается просить о помощи, коль скоро та, самовлюбленная львица, сама напросилась (о редкость!).

А так — ловко обойти острые углы не получается. Намекнуть на что-нибудь физиологическое — того и гляди посеешь опасения (дочь не в восторге от постоянного живого присутствия родителей, но и смерти им не желает); сказать ей правду — что она собиралась с духом для встречи с мужем после встречи с женщиной, которая чуть было не разрушила их брак, — об этом, естественно, даже речи быть не может.

— Нет, все нормально, — отвечает она, и Сюзанна, изогнувшись, слетает с хозяйских колен: у собаки, равно как и у кошки, равно как и у дочери, есть установленный набор ограничений: каждая требует постоянного внимания, но на очень жестких условиях. — Все хорошо, все хорошо, все хорошо.

Она распрямляется, встает с табурета и вновь начинает двигаться; на кухне никогда не получается сидеть без дела, особенно если у Альмы были гости: нужно либо промокнуть лужицы, либо вытереть посуду, либо выбросить объедки — пару яблочных огрызков, лиловые корки до-

рогого козьего сыра, выдержанного в вине: сами они в мусорное ведро не запрыгнут.

К счастью, Альма принимает это без возражений и с безграничной подростковой уверенностью в том, что в фокусе внимания опять по праву окажется ее персона, и ничто иное.

— Мне звонили из стоматологии — отменили прием, — сообщает она. — У доктора Галлахера кто-то умер.

— Ох, как это...

— ...что, вообще-то, хорошо, поскольку на этой неделе у нас в библиотеке планируется семинар европейского бюро «Ассошиэйтед пресс»... в смысле, хорошо то, что прием отменили, а не то, что некто умер... так вот, я хотела спросить: можно мне будет взять машину, чтобы тебе не приходилось каждый вечер заезжать за мной на ночь глядя?

В детстве Альма была жутко приставучей, но теперь, в свои семнадцать лет, она в большинстве случаев независима и совершенно непроницаема: вредная красотка с потрясающими способностями к математике, у нее с друзьями есть недоступные посторонним шутки на предмет Гэри Шендлинга и тостов с авокадо; она рисует на ногтях микроскопические вишенки и увлекается чрезвычайно сложной выпечкой, заполняя домашний холодильник продолговатыми бейглами и шестислойными тортами.

— Спрашиваю заранее, потому что в прошлый раз ты сказала, что я тяну до последнего, — говорит она.

Недавно, после почти двухлетнего задумчивого молчания, дочка вновь начала вести разговоры с Джулией и Марком, и теперь ее практически невозможно остановить. За ужином она с придыханием рассказывает непонятные истории, подробно излагает эпизоды из середины каких-то телесериалов, которые они никогда не смотрят, пространно и убедительно отстаивает все, что задумала

сделать или получить в подарок. Разговор с нею — это механический акт, требующий умения постоянно переключать передачи, давать задний ход, следить за бессмысленными построениями или катапультироваться из реального мира в вымышленный, не останавливаясь на дозаправку. Ничто на свете не сможет помешать ей в следующем месяце поступить сразу в несколько из семнадцати эксклюзивных и жутко дорогих колледжей, в которые она подала документы, а поскольку Джулия хочет, чтобы оставшееся до отъезда дочери время прошло без психологических травм, она реагирует на Альму, как на спящую малютку: ходит вокруг нее на цыпочках, чтобы не потревожить. Расстановка сил у них в семье мало отличается от многолетнего кризиса с захватом заложников.

— Там видно будет, — говорит она, а потом, прежде чем Альма успевает возразить: — У тебя гости?

Из гостиной до ее слуха доносятся как минимум два голоса, в одном из которых безошибочно узнается Марго Сингх.

Альма бросает жестянки в бачок для утилизируемых отходов.

— Н-да.

Ее дочь отказалась делиться какими бы то ни было насущными сведениями о Марго, и в частности о том, какие узы их связывают; все попытки Джулии выведать подробности таких отношений встречаются насмешками и молчаливым утверждением, что материнские понятия об отношениях давно закоснели.

— Нет, она не моя девушка, — заявила недавно Альма. — Но при этом нельзя утверждать, что она... совсем не моя девушка. Это уже давно так не называется, мама.

На сей раз Джулия воздержалась от вопроса: «Что именно так не называется?» В последнее время Личная Жизнь Альмы — на фоне крайне изменчивых приоритетов

в плане Успеваемости Альмы, Крепнущих Политических Взглядов Альмы и Мельчайших Повседневных Желаний Альмы — стала популярной темой. К тому же Джулия неплохо относится к Марго; допустим, ей бы хотелось, чтобы девушка двигалась более твердой походкой, а не появлялась из тьмы скорбными шажками, как плакальщица, но, похоже, у той есть голова на плечах, и, похоже, Альме с нею комфортно.

— Ладно, — говорит она. — А папа где? А твой брат уже дома?

Альма слегка хмыкает, будто говоря: «Да кто их знает?» Она ставит чашу в раковину, потом, вероятно, чувствует на себе взгляд Джулии и тянется за щеткой для мытья посуды.

— Что будешь готовить?

— Всего понемногу, — рассеянно отвечает ей мать, открывая один кухонный шкаф, затем другой, доставая нужные, по ее мнению, предметы и раскладывая их на столешнице кухонного острова. — Мои фирменные открытые пирожки. Огуречный салат. Крабовые котлетки.

Она подготавливает необходимую утварь, сельдерей, панировочные сухари; на самом деле до сегодняшнего дневного происшествия она с нетерпением ждала, когда сможет заняться готовкой, достаточно трудоемкой, чтобы произвести впечатление на гостей, но не настолько, чтобы исключить одновременное выполнение девятнадцати других дел. Ждать помощи от детей, как она знает, бесполезно.

С видом оскорбленной добродетели Альма разворачивается к ней лицом.

— Боже, мама, ты серьезно?

Она ведет себя так, будто в нее только что стреляли, и Джулия затравленно озирается по сторонам в поисках своего очередного преступления, но все выглядит по-преж-

нему, только с боков чаши, которая сейчас в руках дочери, на пол капает мыльная вода.

— Что такое? — в тревоге переспрашивает она.

— Я же тебе говорила, что отказалась от морепродуктов, — чеканит Альма. — Говорила месяц назад.

Джулия прокручивает это в голове. Ей хочется, нестерпимо хочется (как нередко бывает в общении с дочерью) просто испариться, чтобы не продолжать этот разговор. К тому же ее сковывает груз невероятной усталости; материнство по большей части вызывает у нее именно такое ощущение: что от нее не просто ждут, но требуют выполнить на одну обязанность больше.

— Ты на это забила?

— Забила — это сильно сказано, — говорит она, доставая из дверцы холодильника пучок кинзы.

На самом деле все она помнит; просто у нее теплилась надежда, что разговор о «поэтапном веганстве», как выразилась в тот раз Альма, будет — по примеру многих других разговоров с подростками — замят в ближайшие дни и сменится чем-нибудь неимоверно, необъяснимо срочным.

Джулия медленно, глубоко вдыхает через нос и чувствует, как воздух расширяется у входа в гортань. Перед рождением Бена она без особого рвения посещала занятия по дородовой йоге, не подозревая, что дыхательные упражнения помогут ей не столько во время родов, сколько два десятилетия спустя — удержат от насилия над дочерью-подростком.

— Зачем ты так пыхтишь?

— Да просто... чтобы получить немного кислорода, — объясняет Джулия. — Для мозга.

— Ты обещала подумать о том, чтобы мы всей семьей отказались от продуктов животного происхождения, — выговаривает ей Альма с такой размеренной аффектацией, что у Джулии чешутся руки столкнуть ее в колодезь.

Ломбардо К.

Л 74 Всё как всегда : роман / Клэр Ломбардо ; пер. с англ. Е. Петровой. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 704 с. — (Большой роман).

ISBN 978-5-389-28725-9

Впервые на русском — эпичная семейная драма в лучших традициях Элизабет Страут и Энн Пэтчетт, национальный бестселлер, книга года по версии *The Washington Post*, *National Public Radio* и журнала *People*; это «мудрое, наполненное живым юмором исследование брака, материнства, женской психологии» (Бонни Гармус, автор «Уроков химии»).

После бурной юности Джулия Эймс как будто остепенилась: муж — успешный чикагский бизнесмен, сын — молодой преподаватель в колледже, дочь оканчивает школу и думает, куда поступать. Но случайная встреча в магазине деликатесов со старой знакомой, которую не видела двадцать лет и благодаря которой ее жизнь однажды уже чуть не пошла под откос, вновь выбивает Джулию из колеи. А тут еще и сын ошеломляет ее неожиданной новостью — на торжествах по случаю шестидесятилетия мужа, в подготовку которых она вложила столько сил, — и Джулия вынуждена серьезно задуматься, не передался ли ей от матери демон саморазрушения...

«В менее опытных руках эта семейная драма — тайны! раздоры! измены! — обернулась бы очередной мыльной оперой, но Клэр Ломбардо, как умелый картограф человеческого сердца, тонко прорабатывает нюансы и не боится рисковать. Ее Джулия Эймс — достойная наследница Мэрион Хильденбрандт из «Перекрестков» Джонатана Франзена» (*The New York Times*).

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

КЛЭР ЛОМБАРДО
ВСЁ КАК ВСЕГДА

Редактор Александр Гузман
Художественный редактор Вадим Пожидаев
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Ирина Игнатьева, Ульяна Смирнова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 29.07.2026.
Формат издания 60 × 88 1/16. Печать офсетная. Тираж 4000 экз.
Усл. печ. л. 43,12. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,	АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01,	Тел. (495) 933-76-01,
факс (495) 933-76-19	факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
195112, Санкт-Петербург,	195112, Санкт-Петербург,
Малоохтинский пр-т, д. 68	Малоохтинский даңғылы, 68-үй
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-BRM-37837-01-R